

Александр Твардовский Дом у дороги

«Дом у дороги»: Художественная литература; М.; 1985

Лирическая хроника

ГЛАВА 1

Я начал песню в трудный год,
Когда зимой студеной
Война стояла у ворот
Столицы осажденной.

Но я с тобою был, солдат,
С тобою неизменно —
До той и с той зимы подряд
В одной страде военной.

Твоей судьбой я только жил
И пел ее доньше,
А эту песню отложил,
Прервав на половине.

И как вернуться ты не мог
С войны к жене-солдатке,
Так я не мог
Весь этот срок
Вернуться к той тетрадке.

Но как ты помнил на войне
О том, что сердцу мило,
Так песня, начавшись во мне,
Жила, кипела, ныла.

А я ее в себе берег,
Про будущее прочил,
И боль и радость этих строк
Меж строк скрывая прочих.

Я нес ее и вез с собой
От стен родной столицы –
Вслед за тобой,
Вслед за тобой –
До самой заграницы.

От рубежа до рубежа –
На каждом новом месте
Ждала с надеждою душа
Какой-то встречи, вести...

И где бы ни переступал
Каких домов пороги,
Я никогда не забывал
О доме у дороги,

О доме горестном, тобой
Покинутом когда-то.
И вот в пути, в стране чужой
Я встретил дом солдата.

Тот дом без крыши, без угла,
Согретый по-жилому,
Твоя хозяйка берегла
За тыщи верст от дому.

Она тянула кое-как
Вдоль колеи шоссейной –
С меньшим, уснувшим на руках,
И всей гурьбой семейной.

Кипели реки подо льдом,
Ручьи взбивали пену,
Была весна, и шел твой дом
На родину из плена.

Он шел в Смоленщину назад,
Что так была далече...
И каждый наш солдатский взгляд
Теплел при этой встрече.

И как там было не махнуть
Рукой: «Бывайте живы!»,
Не обернуться, не вздохнуть
О многом, друг служивый.

О том хотя бы, что не все
Из тех, что дом теряли,
На фронтовом своем шоссе
Его и повстречали.

Ты сам, шагая в той стране
С надеждой и тревогой,
Его не встретил на войне, —
Другою шел дорогой.

Но дом твой в сборе, налицо.
К нему воздвигнуть стены,
Приставить сени и крыльцо —
И будет дом отменный.

С охотой руки приложить —
И сад, как прежде, дому
Заглянет в окна.
Жить да жить,
Ах, жить да жить живому!

А мне бы петь о жизни той,
О том, как пахнет снова
На стройке стружкой золотой,
Живой смолой сосновой.

Как, огласив войне конец
И долголетье миру,
Явился беженец-скворец
На новую квартиру.

Как жадно в рост идет трава
Густая на могилах.
Трава — права,
И жизнь жива,
Но я про то хочу сперва,
Про что забыть не в силах.

Так память горя велика,
Глухая память боли.
Она не стихнется, пока
Не выскажется вволю.

И в самый полдень торжества,
На праздник возрожденья
Она приходит, как вдова
Бойца, что пал в сраженье.

Как мать, что сына день за днем
Ждала с войны напрасно,
И позабыть еще о нем,
И не скорбеть всечасно
Не властна.

Пусть меня простят,
Что снова я до срока
Вернусь, товарищи, назад,
К той памяти жестокой.

И все, что выразится здесь,
Да проникнет в душу снова,
Как плач о родине, как песнь
Ее судьбы суровой.

ГЛАВА 2

В тот самый час воскресным днем,
По праздничному делу,
В саду косил ты под окном
Траву с росой белой.

Трава была травы добрей –
Горошек, клевер дикий,
Густой метелкою пырей
И листья земляники.

И ты косил ее, сопя,
Кряхтя, вздыхая сладко.
И сам подслушивал себя,
Когда звенел лопаткой:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой –
И мы домой.

Таков завет и звук таков,
И по косе вдоль жала,
Смывая мелочь лепестков,
Роса ручьем бежала.

Покос высокий, как постель,
Ложился, взбитый пышно,

И непросохший сонный шмель
В покосе пел чуть слышно.

И с мягким махом тяжело
Косье в руках скрипело.
И солнце жгло,
И дело шло,
И все, казалось, пело:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой –
И мы домой.

И палисадник под окном,
И сад, и лук на грядках –
Все это вместе было дом,
Жилье, уют, порядок.

Не тот порядок и уют,
Что, никому не веря,
Воды напиться подают,
Держась за клямку двери.

А тот порядок и уют,
Что всякому с любовью
Как будто чарку подают
На доброе здоровье.

Помытый пол блестит в дому
Опрятностью такою,
Что просто радость по нему
Ступить босой ногою.

И хорошо за стол свой сесть
В кругу родном и тесном,
И, отдыхая, хлеб свой есть,
И день хвалить чудесный.

Тот вправду день из лучших дней,
Когда нам вдруг с чего-то –
Еда вкусней,
Жена милей
И веселей работа.

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой –
И мы домой.

Домой ждала тебя жена,
Когда с нещадной силой
Старинным голосом война
По всей стране завывала.

И, опершись на косье,
Босой, простоволосый,
Ты постоял – и понял все,
И не дошел прокоса.

Не докосил хозяин луг,
В поход запоясался,
А в том саду все тот же звук
Как будто раздавался:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой –
И мы домой.

И был ты, может быть, уже
Забыт самой войною,
И на безвестном рубеже
Зарыт иной землею.

Не умолкая, тот же звук,
Щемящий звон лопатки,
В труде, во сне тревожил слух
Твоей жене-солдатке.

Он сердце ей насквозь изжег
Тоскою неизбытой,
Когда косила тот лужок
Сама косой небитой.

Слепили слезы ей глаза,
Палила душу жалость.
Не та коса,
Не та роса,
Не та трава, казалось...

Пусть горе женское пройдет,
Жена тебя забудет
И замуж, может быть, зайдет
И будет жить, как люди.

Но о тебе и о себе,
О давнем дне разлуки
Она в любой своей судьбе
Вздохнет при этом звуке:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой –
И мы домой.

ГЛАВА 3

Еще не здесь, еще вдали
От этих нив и улиц
Стада недоенные шли
И беженцы тянулись.

Но шла, гудела, как набат,
Беда по всей округе.
За черенки взялись лопат,
За тачки бабьи руки.

Готовы были день и ночь
Копать с упорством женским,
Чтоб чем-нибудь войскам помочь
На рубеже смоленском.

Чтоб хоть в родимой стороне,
У своего порога,
Хотя б на малый срок войне
Перекопать дорогу.

И сколько рук – не перечесть! –
Вдоль той канавы длинной
Живьем приваливали рожь
Сырой тяжелой глиной.

Живьем хлеба, живьем траву
Приваливали сами.

А он уж бомбы на Москву
Возил над головами.

Копали ров, валили вал,

Спешили, будто к сроку.

А он уж по земле ступал,
Гремел неподалеку.

Ломал и путал фронт и тыл
От моря и до моря,
Кровавым заревом светил,
В ночи смыкая зори.

И страшной силой буревой,
В медовый срок покоса,
В дыму, в пыли перед собой
От фронта гнал колеса.

И столько вывалило вдруг
Гуртов, возов, трехтонок,
Коней, подвод, детей, старух,
Узлов, тряпья, котомок...

Моя великая страна,
У той кровавой даты
Как ты была еще бедна
И как уже богата!

Зеленой улицей села,
Где пыль легла порошей,
Огромный край война гнала
С поспешно взятой ношей.

Смятение, гомон, тяжкий стон
Людской страды горячей.
И детский плач, и патефон,
Поющий, как на даче, —
Смешалось все, одной беды —
Войны знаменьем было...

Уже до полудня воды
В колодцах не хватило.

И ведра глухо грунт скребли,
Гремя о стенки сруба,
Полупустыеверху шли,
И к капле, прыгнувшей в пыли,
Тянулись жадно губы.

А сколько было там одних —
С жары совсем соловых —
Курчавых, стриженных, льняных,
Чернявых, русых и иных
Ребяческих головок.

Нет, ты смотреть не выходи

Ребят на водопое.
Скорей своих прижми к груди,
Пока они с тобою.

Пока с тобой,
В семье родной,
Они, пускай не в холе,
В любой нужде,
В своем гнезде –
Еще на зависть доля.

И приведись на горький путь
Сменить свое подворье –
Самой детей одеть, обуть –
Еще, поверь, – полгоря.

И, притерпевшись, как-никак
Брести в толпе дорожной
С меньшим, уснувшим на руках,
С двумя при юбке – можно!

Идти, брести,
Присесть в пути
Семьей на отдых малый.
Да кто сейчас
Счастливей вас!

Смотри-ка, есть, пожалуй.

Где светит свет хоть краем дня,
Где тучей вовсе застится.
И счастье счастьем не ровня,
И горе – горю разница.

Ползет, скрипит кибитка-дом,
И головы детишек
Хитро укрыты лоскутом
Железной красной крыши.

И служит кровлей путевой
Семье, войной гонимой,
Та кровля, что над головой
Была в краю родимом.

В краю ином
Кибитка-дом,
Ее уют цыганский
Не как-нибудь
Налажен в путь, –
Мужской рукой крестьянской.

Ночлег в пути, ребята спят,
Зарывшись в глубь кибитки.

И в небо звездное глядят
Оглобли, как зенитки.

Не спит хозяин у огня.
На этом трудном свете
Он за детей, и за коня,
И за жену в ответе.

И ей, хоть лето, хоть зима,
Все ж легче путь немилый.
А ты реши-ка все сама,
Своим умом и силой.

В полдневный зной
И в дождь ночной
Укрой в дороге деток.
Далекий мой,
Родимый мой,
Живой ли, мертвый – где ты?..

Нет, ни жена, ни даже мать,
Что думала о сыне,
Не в силах были угадать
Всего, что станет ныне.

Куда там было в старину, –
Все нынче по-иному:
Ушел хозяин на войну,
Война подходит к дому.

И, чуя гибель, этот дом
И сад молчат тревожно.
И фронт – уж вот он – за холмом
Вздыхает безнадежно.

И пыльных войск отход, откат
Не тот, что был вначале.
И где колонны кое-как,
Где толпы зашагали.

Все на восток, назад, назад,
Все ближе бьют орудья.
А бабы воют и висят
На изгороди грудью.

Пришел, настал последний час,
И нет уже отсрочки.
– А на кого ж вы только нас
Кидаете, сыночки?..

И то, быть может, не упрек,
А боль за них и жалость.
И в горле давящий комок

За все, что с жизнью случилось.

И сердце женское вдвойне
Тоска, тревога гложет,
Что своего лишь там, в огне,
Жена представить может.

В огне, в бою, в чадном дыму
Кровавой рукопашной.
И как, должно быть, там ему,
Живому, смерти страшно.

Не подсказала б та беда,
Что бабьим воем выла,
Не знала б, может, никогда,
Что до смерти любила.

Любила – взгляд не оброни
Никто, одна любила.
Любила так, что от родни,
От матери отбила.

Пускай не девичья пора,
Но от любви на диво –
В речах остра,
В делах быстра,
Как змейка вся ходила.

В дому – какое ни житье –
Детишки, печь, корыто –
Еще не видел он ее
Нечесаной, немойтой.

И весь она держала дом
В опрятности тревожной,
Считая, может, что на том
Любовь вовек надежней.

И та любовь была сильна
Такою властной силой,
Что разлучить одна война
Могла.
И разлучила.

ГЛАВА 4

Томила б только ты бойца,
Война, тоской знакомой,
Да не пылила б у крыльца
Его родного дома.

Давила б грузным колесом
Тех, что твои по списку,
Да не губила б детский сон
Пальбой артиллерийской.

Гремя, бесилась бы спьяна
У своего предела, –
И то была бы ты, война,
Еще святое дело.

Но ты повыгнала ребят
В подвалы, в погребушки,
Ты с неба наземь наугад
Свои кидаешь чушки.

И люди горькой стороны
У фронта сбились тесно,
Боясь и смерти и вины
Какой-то неизвестной.

А ты все ближе ко двору,
И дети, чуя горе.
Пугливым шепотом игру
Ведут в углу, не споря...

В тот первый день из горьких дней,
Как собрался в дорогу,
Велел отец беречь детей,
Смотреть за домом строго.

Велел детей и дом беречь, –
Жена за все в ответе.
Но не сказал, топить ли печь
Сегодня на рассвете.

Но не сказал, сидеть ли тут,
Бежать ли в свет куда-то.
Все бросить вдруг.
А где нас ждут,
Где просят?
Свет – не хата.

Здесь потолок над головой,
Здесь – дом, в хлеву – корова...
А немец, может, он иной
И не такой суровый, –
Пройдет, минет.

А вдруг как нет?
Не тою славен славой.
А что ж, тогда ты в сельсовет
Пойдешь искать управы?

Каким сгроишь ему судом,
Как встанет на пороге,
Как в дом войдет?
Нет, кабы дом
Подальше от дороги...

...Последних четверо солдат
Калитку в сад открыли,
Железом кованых лопат
Устало грюкнули не в лад.
Присели, закурили.

И улыбнулся, обратись
К хозяйке, старший вроде:
– Хотим тут пушечку у вас
Поставить в огороде.

Сказал, как будто человек
Проезжий, незнакомый,
С конем просился на ночлег,
С телегой возле дома.

Ему и ласка и привет.
– Не уходите только,
Не покидайте нас...
– Да нет, –
Переглянулись горько.

– Да нет, от этой конопли
Мы не уйдем, мамаша.
Затем, чтоб все уйти могли, –
Такая служба наша.

– И ты спеши, – сказал боец,
Поскольку эту пушку,
А заодно и твой дворец
Уж он возьмет на мушку.
А впрочем, малость погоди, –
Прислушавшись, добавил: –
Кладет уж вон где, впереди,
Как раз по переправе.

Земля вокруг как на волне,
И день оглох от грома.
– Вот жизнь: хозяин на войне,
А ты, выходит, дома.

А у нее про всех готов
Один вопрос печальный:
– Сивцов – фамилия. Сивцов.
Не слышали случайно?

– Сивцов? Постой, подумать дай.
Ну да, слышал Сивцова.
Сивцов – ну как же, Николай,
Так он – живой, здоровый.
Не твой? Ага, а твой Андрей?
Андрей, скажи на милость...

Но чем-то вроде дорог ей
И тот однофамилец.

– Ну, что, друзья, кончай курить.
Разметил план лопатой
И стал усердно землю рыть
Солдат в саду солдата.

Не для того, чтоб там выросла
Какая-либо штука,
И не нарочно, не со зла,
А как велит наука.
Он рыл окоп, по форме чтоб
И глубина и бруствер...

Ах, сколько в том рытье одном
Покорной делу грусти.

Он делал дело – землю рыл,
Но, может, думал мельком
И даже, может, говорил,
Вздыхал:
– Земля, земелька...

Уже они по грудь в земле,
Зовёт к столу солдатка,
Как будто помочи в семье,
Обед и отдых сладкий.

– Устали, кушайте.
– Ну что ж,
Горячего, покамест...

– Ещё, признаться, грунт хорош,
А то бывает – камень...

И первым старший ложку нес,
А вслед за ним солдаты.
– А что, богатый был колхоз?
– Нет, не сказать богатый,
Не так, а все-таки. Хлеба
Сильнее за Угрою...
– Смотри, притихнула пальба.
– Детишек трое?
– Трое...

И общий вздох:
– С детьми – беда. –
И разговор с заминкой.
Жирна не вовремя еда,
Грустна, как на поминках.

– Спасибо наше за обед,
Хозяюшка, спасибо.
А что касается... так – нет,
Не жди, беги как-либо.

– Постой, – сказал другой солдат,
В окно с тревогой глядя: –
Смотри, народ как раз назад
Потек.
– Чего бы ради?

Дорога пыльная полна,
Идут, бредут понуро.
С востока к западу война
Оглобли завернула.

– Выходит, он уж впереди.
– А что ж теперь, куда же?
– Молчи, хозяйка, и сиди,
Что дальше – день покажет.
А нам стеречь твой огород,
Хозяйка, – дело худо,
Выходит, наш теперь черед
Искать ходов отсюда.

И по лихой нужде своей
Теперь они, солдаты,
Казалось, женщины слабей,
И не виновны перед ней,
А все же виноваты.

– Прощай, хозяйка, жди, придем,
Настанут наши сроки.
И твой найдем приметный дом
У столбовой дороги.
Придем, найдем, а может, нет;
Война, – нельзя ручаться.
Еще спасибо за обед.

– И вам спасибо, братцы.
Прощайте.–
Вывела людей.
И с просьбой безнадёжной:
– Сивцов, – напомнила, – Андрей,
Услышите, возможно...

Шагнула вслед, держась за дверь,

В слезах, и сердце сжалось,
Как будто с мужем лишь теперь
Навеки распрощалась.
Как будто он ушел из рук
И скрылся без оглядки...

И ожил вдруг в ушах тот звук,
Щемящий звон лопатки:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой –
И мы домой...

ГЛАВА 5

Вам не случилось быть при том,
Когда в ваш дом родной
Входил, гремя своим ружьем,
Солдат земли иной?

Не бил, не мучил и не жег, –
Далеко до беды.
Вступил он только на порог
И попросил воды.

И, наклонившись над ковшом,
С дороги весь в пыли,
Попил, утерся и ушел
Солдат чужой земли.

Не бил, не мучил и не жег, –
Всею свой срок и ряд.
Но он входил, уже он мог
Войти, чужой солдат.

Чужой солдат вошел в ваш дом,
Где свой не мог войти.
Вам не случилось быть при том?
И бог не приведи!

Вам не случилось быть при том,
Когда, хмельной, дурной,
За вашим тешится столом
Солдат земли иной?

Сидит, заняв тот край скамьи,
Тот угол дорогой,
Где муж, отец, глава семьи
Сидел, – не кто другой.

Не доведись вам злой судьбой
Не старой быть при том
И не горбатой, не кривой
За горем и стыдом.

И до колодца по селу,
Где есть чужой солдат,
Как по толченому стеклу,
Ходить вперед-назад.

Но если было суждено
Все это, все в зачет,
Не доведись хоть то одно,
Чему еще черед.

Не доведись вам за войну,
Жена, сестра иль мать,
Своих
Живых
Солдат в плену
Воочью увидеть.

...Сынов родной земли,
Их стыдным, сборным строем
По той земле вели
На запад под конвоем.

Идут они по ней
В позорных сборных ротах,
Иные без ремней,
Иные без пилоток.

Иные с горькой, злой
И безнадежной мукой
Несут перед собой
На перевязи руку...

Тот хоть шагать здоров,
Тому ступить задача, –
В пыли теряя кровь,
Тащись, пока ходячий.

Тот, воин, силой взят
И зол, что жив остался.
Тот жив и счастьем рад,
Что вдруг отвоевался.

Тот ничему цены
Еще не знает в мире.
И все идут, равны
В колонне по четыре.

Ботинок за войну
Одних не износили,
И вот они в плену,
И этот плен – в России.

Поникнув от жары,
Переставляют ноги.
Знакомые дворы
По сторонам дороги.

Колодец, дом и сад
И все вокруг приметы.
День или год назад
Брели дорогой этой?

Год или только час
Прошел без проволоочки?..

«А на кого ж вы нас
Кидаете, сыночки!...»

Теперь скажи в ответ
И встреть глаза глазами,
Мол, не кидаем, нет,
Глядите, вот мы с вами.

Порадуй матерей
И жен в их бабьей скорби.
Да не спеши скорей
Пройти. Не гнись, не горбись...

Бредут ряды солдат
Угрюмой вереницей.
И бабы всем подряд
Заглядывают в лица.

Не муж, не сын, не брат
Проходят перед ними,
А только свой солдат –
И нет родни родимей.

И сколько тех рядов
Ты молча проводила
И стриженных голов,
Поникнувших уныло.

И вдруг – ни явь, ни сон –
Послышалось как будто, –
Меж многих голосов
Один:
– Прощай, Анята...

Метнулась в тот конец,

Теснясь в толпе горячей.
Нет, это так. Боец
Кого-то наудачу

Назвал в толпе. Шутник.
До шуток здесь кому-то.

Но если ты меж них,
Окликни ты Анютой.

Ты не стыдись меня,
Что вниз сползли обмотки,
Что, может, без ремня
И, может, без пилотки.

И я не попрекну
Тебя, что под конвоем
Идешь. И за войну
Живой, не стал героем.

Окликни – отзовусь.
Я – пось, твоя Анюта.
Я до тебя прорвусь,
Хоть вновь навек прощусь
С тобой. Моя минута!

Но как спросить сейчас,
Произнести хоть слово:
А нет ли здесь у вас,
В плену, его, Сивцова
Андрея?

Горек стыд.
Спроси, а он, пожалуй,
И мертвый не простит,
Что здесь его искала.

Но если здесь он, вдруг
Идет в колонне знойной,
Закрыв глаза...
– Цурюк!
Цурюк! – кричит конвойный.

Ему ни до чего
И дела нету, право,
И голос у него,
Как у ворон, картавый:

– Цурюк! –
Не молод он,
Устал, до черта жарко,
До черта обозлен,
Себя – и то не жалко...

Бредут ряды солдат
Угрюмой вереницей.
И бабы всем подряд
Заглядывают в лица.

Глазами поперек
И вдоль колонны ловят.
И с чем-то узелок,
Какой ни есть кусок
У многих наготове.

Не муж, не сын, не брат,
Прими, что есть, солдат,
Кивни, скажи что-либо,
Мол, тот гостинец свят
И дорог, мол. Спасибо.

Дала из добрых рук,
За все, что стало вдруг,
С солдата не спросила.
Спасибо, горький друг,
Спасибо, мать-Россия.

А сам, солдат, шагай
И на беду не сетуй;
Ей где-то есть же край,
Не может быть, что нету.

Пусть пахнет пыль золой,
Поля – горелым хлебом
И над родной землей
Висит чужое небо.

И жалкий плач ребят,
Не утихая, длится,
И бабы всем подряд
Заглядывают в лица...

Нет, мать, сестра, жена
И все, кто боль изведаль,
Та боль не отмщена
И не прошла с победой.

За этот день один
В селе одном смоленском –
Не отплатил Берлин
Своим стыдом вселенским.

Окаменела память,
Крепка сама собой.

Да будет камнем камень,

Да будет болью боль.

ГЛАВА 6

Еще не та была пора,
Что входит прямо в зиму.
Еще с картошки кожура
Счищалась об корзину.

Но становилась холодна
Земля нагрева летнего.
И на ночь мокрая копна
Впускала неприветливо.

И у костра был сон – не сон.
Под робкий треск валежника
Теснила осень из лесов
Тех горьких дней ночлежника.

Манила памятью жилья,
Тепла, еды и прочего.
Кого в зятя,
Кого в мужа, –
Куда придется прочила.

Внушала голосом молвы,
Дождем, погодой золкою,
Что из-под Ельни до Москвы
Идти – дорога долгая...

...В холодной пуне, у стены,
От лишних глаз украдкой,
Сидел отставший от войны
Солдат с женой-солдаткой.

В холодной пуне, не в дому,
Солдат, под стать чужому,
Хлебал, что вынесла ему
Жена тайком из дому.

Хлебал с усердьем горевым,
Забрав горшок в колени.
Жена сидела перед ним
На том остывшем сене,
Что в давний час воскресным днем,
По праздничному делу
В саду косил он под окном,
Когда война приспела.

Глядит хозяйка: он – не он

За гостя в этой пуне.
Недаром, видно, тяжкий сон
Ей снился накануне.

Худой, заросший, словно весь
Посыпанный золою.
Он ел, чтоб, может быть, заестъ
Свой стыд и горе злое.

– Бельишка пару собери
Да свежие портянки,
Чтоб мне в порядке до зари
Сниматься со стоянки.

– Все собрала уже, дружок,
Все есть. А ты в дороге
Хотя б здоровье поберег,
И первым делом ноги.

– А что еще? Чудные вы,
С такой заботой, бабы.
Начнем-ка лучше с головы, –
Ее сберечь хотя бы.

И на лице солдата – тень
Усмешки незнакомой.
– Ах, я как вспомню: только день
Ты этот дома.

– Дома!
Я б тоже рад не день побыть, –
Вздыхнул. – Прими посуду.
Спасибо. Дай теперь попить.
С войны вернусь, – побуду.

И сладко пьет, родной, большой,
Плечью упершись в стену,
По бороде его чужой
Катятся капли в сено.

– Да, дома, правду говорят,
Что и вода сырая
Куда вкусней, – сказал солдат,
В раздумье утирая
Усы бахромкой рукава,
И помолчал с минуту. –
А слух такой, что и Москва
На очереди, будто...

Идти – не штука, был бы толк, –
Добавил он с заминкой
И так невесело примолк,
Губами сжав сенинку.

Жена подвинулась к нему
С участливой тревогой.
Мол, верить стоит не всему,
Болтают нынче много.
А немец, может, он теперь
К зиме остепенится...

А он опять:
– Ну, что же, верь
Тому, что нам годится.
Один хороший капитан
Со мной блуждал вначале.
Еще противник по пятам
За нами шел. Не спали,
Не ели мы тогда в пути.
Ну, смерть. Так он, бывало,
Твердил: идти, ползком ползти –
Хотя бы до Урала.
Так человек был духом зол
И ту идею помнил.

– И что же?
– Шел и не дошел.
– Отстал?
– От раны помер.
Болотом шли. А дождь, а ночь,
А тоже холод лютей.
– И не могли ничем помочь?
– И не могли, Анюта...

Лицом к плечу его припав,
К руке – девчонкой малой,
Она схватила за рукав
Его и все держала,
Как будто думала она
Сберечь его хоть силой,
С кем разлучить одна война
Могла, и разлучила.

И друг у друга отняла
В воскресный день июня.
И вновь ненадолго свела
Под крышей этой пуня.

И вот он рядом с ней сидит
Перед другой разлукой.
Не на нее ли он сердит
За этот стыд и муку?

Не ждет ли он, чтобы сама
Жена ему сказала:
– Сойти с ума – идти. Зима.

А сколько до Урала!

И повторяла бы:
– Пойми,
Кому винить солдата,
Что здесь жена его с детьми,
Что здесь – родная хата.
Смотри, пришел домой сосед
И не слезает с печи...

А он тогда сказал бы:
– Нет,
Жена, дурные речи...

Быть может, горький свой удел,
Как хлеб щепоткой соли,
Приправить, скрасить он хотел
Таким геройством, что ли?

А может, просто он устал,
Да так, что через силу
Еще к родным пришел местам,
А дальше – не хватило.

И только совесть не в ладу
С приманкой – думкой этой:
Я дома. Дальше не пойду
Искать войну по свету.

И неизвестно, что верней,
А к горю – в сердце смута.
– Скажи хоть что-нибудь, Андрей.
– Да что сказать, Анюта?
Ведь говори не говори,
А будет легче разве
Сниматься завтра до зари
И пробираться к Вязьме?
Никем не писанный маршрут
Распознавать на звездах.
Дойти до фронта – тяжкий труд,
Дойдешь, а там – не отдых.
Там день один, как год, тяжел,
Что день, порой минута...
А тот – он шел и не дошел,
Но все идет как будто.
Ослабший, раненый идет,
Что в гроб кладутся краше.
Идет.
«Товарищи, вперед.
Дойдем. Настанет наше!
Дойдем, иному не бывать,
Своих достигнем линий.
И воевать – не миновать.

А отдыхать?
В Берлине!»
На каждом падая шагу
И поднимаясь снова,
Идет. А как же я могу
Отстать, живой, здоровый?
Мы с ним прошли десятки сел,
Где как, где смертным лазом.
И раз он шел, да не дошел,
Так я дойти обязан.
Дойти. Хоть я и рядовой,
Отстать никак не волен.
Еще добро бы он живой,
А то он – павший воин.
Нельзя! Такие вот дела... –
И ей погладил руку.

А та давно уж поняла,
Что боль – не боль еще была,
Разлука – не разлука.

Что все равно – хоть наземь ляг,
Хоть вдруг лишишь дыханья...
Прощалась прежде, да не так,
А вот когда прощанье!

Тихонько руку отняла
И мужние колени
С покорным плачем обняла
На том угретом сене...

И ночь прошла у них.
И вдруг
Сквозь кромку сна на зорьке,
Сквозь запах сена в душу звук
Вошел ей давний, горький:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой –
И мы домой...

ГЛАВА 7

Все сборы в путь любой жены
И без войны не сладки.
И без войны тревог полны
Все сборы в жизни краткой.

Но речь одна, когда добром, –

Не по нужде суровой
Мы край на край и дом на дом
Иной сменить готовы.

Другая речь – в годину бед
Жене самой, без мужа,
Из дома выйти в белый свет
И дверь закрыть снаружи.

С детьми из теплого угла,
С гнезда родного сняться,
Где, может быть, еще могла
Ты весточки дожидаться.

С котомкой выйти за порог –
И, всей той мукой мучась,
Брести...
Но если на восток, –
То как бы ни был путь жесток, –
Бывает горше участь.

Как на родной земле своей,
Так ты, и дом теряя,
Хоть под кустом, а все ж на ней –
В любом далеком крае.

А вот когда чужим судом
Обмен решен иначе, –
Не край на край, не дом на дом,
А плен –
На плен с придачей.

С какой придачей – погоди:
Расчеты эти впереди.

Еще он твой – последний час
В твоём дому, пока
Переведут тебе приказ
С чужого языка.

Но твой – он выбран не тобой –
Лежит на запад путь.
И взять ни имени с собой,
Ни отчества. Забудь.

Забудь себя еще живой
И номер получи.
И только этот номер свой
На память заучи.

И только можешь ты молчать,
Приказ в дорогу дан.
На нем недвижимая печать

И подпись: комендант.

И в нем твой дом, и хлеб, и соль,
Что от немых властей.
И хоть самой – на снег босой,
Троих одеть успей.

Рукой дрожащею лови
Крючки, завязки, мать.
Нехитрой ложью норови
Ребячий страх унять.

Зови меньших живей, живей,
Как в гости, в тот поход.
И только старшенькой своей
Не лги – и так поймет.

И соберись, и уложись,
И в час беды такой
Еще хозяйкой окажись
Проворной и лихой.

И всю свою в дорогу кладь,
Как из огня, схвати.
И перед тем, как выйти, мать,
Не оглянись и не присядь, –
Нельзя.
И дом – прости!..

Прости-прощай, родимый дом,
Раскрытый, разоренный,
И пуня с давешним сенцом,
И садик занесенный.

Прости-прощай, родимый дом,
И двор, и дровосека,
И все, что памятно кругом
Заботой, замыслом, трудом, –
Всей жизнью человека.

Дом, где он жил среди хлопот
И всем хозяйством правил.
И, чтоб годам был виден счет,
Он надпись: тыща девятьсот
Такой-то год поставил.

Среди такой большой земли,
Родной, заветный угол,
Где эти девочки росли
И наряжали кукол.

И где как будто жизнь прошла,
Куда хозяйка дома

Как будто девочкой вошла
К парнишке молодому.

Где пел по веснам свой скворец
И жил, как все на свете,
Порядком вечным: мать, отец,
Потом скворчата-дети.

Пришла в родную сторону
Чужая злая сила.
И порознь мужа и жену
Из дома проводила.

И где-то, где-то он сейчас,
Какой идет дорогой,
Солдат, что воинскую часть
Свою искал с тревогой.

Теперь меж небом и землей,
Огнем вокруг объята,
Она была его семьей,
Его родною хатой.

И человек среди людей,
Как хлебом и одеждой,
Он был обязан только ей
Своей мечтой-надеждой.

В пути, за тридевять земель,
У Волги ли, у Дона
Свою в виду держал он цель,
Солдат, – дойти до дома.

Хоть кружным, может быть, путем –
Дойдем, придем с победой
Домой!
А что уже тот дом –
Не все ты знал и ведал.

В тот первый день из горьких дней,
Как собрался в дорогу,
Велел отец беречь детей,
Смотреть за домом строго.

Велел сидеть в своем углу
В недобрую годину,
А сам жену в чужом тылу,
В глухом плену покинул.

Ну что ж, солдат, взыщи с нее,
С жены своей, солдатки,
За то, что, может быть, жилье
Родное не в порядке;

Что не могла глядеть назад,
Где дом пылал зажженный,
Как гнал ее чужой солдат
На станцию с колонной;

Что не могла она сберечь
В саду трехлеток-яблонь;
Что шла, покинув дом и печь,
А так детишки зябли!

Что шла, как пленные, в толпе
На запад под конвоем;
Что не отправила тебе
Письма с дороги, воин.

За все с того, кто виноват,
По всем статьям устава
Взыщи со строгостью, солдат,
Твое, хозяин, право.

Всего и нужно для суда
И для сведенья счетов
Прийти с победою туда,
Проверить, как и что там.

Отдать поклон краям своим,
Припав к земле с винтовкой,
Сквозь смерть прийти туда живым,
За малым остановка.

Сквозь смерть иди, не умирай,
В жару лица не утирай,
В снегах не мерзни в зиму.
Там, впереди, твой отчий край,
Солдат, твой дом родимый.

Шагай, солдат, свои права
Имея в этом мире,
Шагай, воюй и год, и два,
И три, и все четыре!..

Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.

Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки.

Пускай всегда годину ту

На память нам приводит
И первый снег, и рожь в цвету,
Когда под ветром ходит.

И каждый дом и каждый сад
В ряду – большой и малый.
И дня восход и дня закат
Над темным лесом – алый.

Пускай во всем, чем жизнь полна,
Во всем, что сердцу мило,
Нам будет памятка дана
О том, что в мире было.

Затем, чтоб этого забыть
Не смели поколения.
Затем, чтоб нам счастливей быть,
А счастье – не в забвенье!

ГЛАВА 8

Родился мальчик в дни войны,
Да не в отцовском доме, –
Под шум чужой морской волны
В бараке на соломе.

Еще он в мире не успел
Наделать шуму даже,
Он вскрикнуть только что посмел
И был уже под стражей.

Уже в числе всех прочих он
Был там, на всякий случай,
Стеной-забором огражден
И проволокой колючей.

И часовые у ворот
Стояли постоянно,
И счетверенный пулемет
На вышке деревянной.

Родился мальчик, брат меньшой
Троих детей крестьянки,
И подают его родной
В подаренной портянке.

И он к груди ее прирос –
Беда в придачу к бедам,
И вкус ее соленых слез
Он с молоком отведал.

И начал жить, пока живой,
Жилец тюрьмы с рожденья.
Чужое море за стеной
Ворочало камня.

Свирепый ветер по ночам
Со свистом рвался в щели,
В худую крышу дождь стучал,
Как в полог колыбели.

И мать в кругу птенцов своих
Тепло, что с нею было,
Теперь уже не на троих,
На четверых делила.

В сыром тряпье лежала мать,
Своим дыханьем грея
Сынка, что думала назвать
Андреем – в честь Андрея,
Отцовским именем родным.

И в каторжные ночи
Не пела – думала над ним:
– Сынок, родной сыночек.

Зачем ты, горестный такой,
Слеза моя, росиночка,
На свет явился в час лихой,
Краса моя, кровиночка?

Зачем в такой недобрый срок
Зазеленела веточка?
Зачем случился ты, сынок,
Моя родная деточка?

Зачем ты тянешься к груди
Озябшими ручонками,
Не чуя горя впереди,
В тряпье сучишь ножонками?

Живым родился ты на свет,
А в мире зло несытое.
Живым – беда, а мертвым – нет,
У смерти под защитою.

Целуя зябкий кулачок,
На сына мать глядела:

– А я при чем, – скажи, сынок, –
А мне какое дело?

Скажи: какое дело мне,

Что ты в беде, родная?
Ни о беде, ни о войне,
Ни о родимой стороне,
Ни о немецкой чужине
Я, мама, знать не знаю.

Зачем мне знать, что белый свет
Для жизни годеи мало?
Ни до чего мне дела нет,
Я жить хочу сначала.

Я жить хочу, и пить, и есть,
Хочу тепла и света,
И дела нету мне, что здесь
У вас зима, не лето.

И дела нету мне, что здесь
Шумит чужое море
И что на свете только есть
Большое, злое горе.

Я мал, я слаб, я свежесть дня
Твоею кожей чую,
Дай ветру дунуть на меня –
И руки развяжу я.

Но ты не дашь ему подуть,
Не дашь, моя родная,
Пока твоя вздыхает грудь,
Пока сама живая.

И пусть не лето, а зима,
И ветошь греет слабо,
Со мной ты выживешь сама,
Где выжить не могла бы.

И пусть ползет сырой туман
И ветер дует в щели,
Я буду жить, ведь я так мал,
Я теплюсь еле-еле.

Я мал, я слаб, я нем, и глуп,
И в мире беззащитен;
Но этот мир мне все же люб –
Затем, что я в нем житель.

Я сплю крючком, ни встать, ни сесть
Еще не в силах, пленник,
И не лежал раскрытый весь
Я на твоих коленях.

Я на полу не двигал стул,
Шагая вслед неловко,

Я одуванчику не сдул
Пушистую головку.

Я на крыльцо не выползал
Через порог упрямый,
И даже «мама» не сказал,
Чтоб ты слыхала, мама.

Но разве знает кто-нибудь,
Когда родятся дети,
Какой большой иль малый путь
Им предстоит на свете?

Быть может, счастьем был бы я
Твоим, твой горький, лишний, –
Ведь все большие сыновья
Из маленьких повышли.

Быть может, с ними белый свет
Меня поставит вровень.
А нет, родимая, ну, нет, –
Не я же в том виновен,

Что жить хочу, хочу отца
Признать, обнять на воле.
Ведь я же весь в него с лица –
За то и люб до боли.

Тебе приметы дороги,
Что никому не зримы.
Не дай меня, побереги...
– Не дам, не дам, родимый.

Не дам, не дам, уберегу
И заслоню собою,
Покуда чувствовать могу,
Что ты вот здесь, со мною.

...И мальчик жил, со всех сторон
В тюрьме на всякий случай
Стеной-забором огражден
И проволокой колючей.

И часовые у ворот
Стояли постоянно,
И счетверенный пулемет
На вышке деревянной.

И люди знали: мальчик им –
Ровня в беде недетской.
Он виноват, как все, одним:
Что крови не немецкой.

И по утрам, слыхала мать,
Являлся Однорукий,
Кто жив, кто помер, проверять
По правилам науки.

Вдоль по бараку взад-вперед
С немецким табелем пройдет:
Кто умер – ставит галочку,
Кто жив – тому лишь палочку.

И ровным голосом своим,
Ни на кого не глядя,
Убрать покойников – живым
Велит порядка ради.

И мальчик жил. Должно быть, он
Недаром по природе
Был русской женщиной рожден,
Взросшей на свободе.

Должно быть, он среди больших
И маленьких в чужбине
Был по крови крепыш мужик,
Под стать отцу – мужчине.

Он жил да жил. И всем вокруг
Он был в судьбе кромешной
Ровня в беде, тюремный друг,
Был свой – страдалец здешний.

И чья-то добрая рука
В постель совала маме
У потайного камелька
В золе нагретый камень.

И чья-то добрая рука
В жестянке воду грела,
Чтоб мать для сына молока
В груди собрать сумела.

Старик поблизости лежал
В заветной телогрейке
И, умирая, завещал
Ее мальцу, Андрейке.

Из новоприбывших иной –
Гостинцем не погребуй –
Делился с пленною семьей
Последней крошкой хлеба.

И так, порой полумертвы,
У смерти на примете,
Все ж дотянули до травы

Живые мать и дети.

Прошел вдоль моря вешний гром
По хвойным перелескам.

И очутились всем двором
На хуторе немецком.

Хозяин был ни добр, ни зол, –
Ему убраться с полем.
А тут работницу нашел –
Везет за двух, – доволен.

Харчи к столу отвесил ей
По их немецкой норме,
А что касается детей, –
То он рабочих кормит.

А мать родную не учить,
Как на куски кусок делить,
Какой кусок ни скудный,
Какой дележ ни трудный.

И не в новинку день-деньской,
Не привыкать солдатке
Копать лопатою мужской
Да бабьей силой грядки.

Но хоть земля – везде земля,
А как-то по-другому
Чужие пахнут тополя
И прелая солома.

И хоть весна – везде весна,
А жутко вдруг и странно:
В Восточной Пруссии она
С детьми, Сивцова Анна.

Журчал по-своему ручей
В чужих полях нелюбых,
И солона казалась ей
Вода в бетонных трубах.

И на чужом большом дворе
Под кровлей черепичной
Петух, казалось, на заре
Горланит непривычно.

Но там, в чужбине, выждав срок,
Где что – не разбирая, –
Малютка вылез за порог
Хозяйского сарая.

И дочка старшая в дому,
Кому меньшого нянчить,
Нашла в Германии ему
Пушистый одуванчик.

И слабый мальчик долго дул,
Дышал на ту головку.
И двигал ящик, точно стул,
В ходьбе ловя сноровку.

И, засмотревшись на дворе,
Едва не рухнул в яму.
И все пришло к своей поре,
Впервые молвил:
– Мама.

И мать зажмурилась от слез,
От счастья и от боли,
Что это слово произнес
Ее меньшей в неволе...

Покоса раннего пора
За дальними пределами
Пришла. Запахли клевера,
Ромашки, кашки белые.

И эта памятная смесь
Цветов поры любимой
Была для сердца точно весть
Со стороны родимой.

И этих запахов тоска
В тот чуждый край далекий
Как будто шла издалека –
Издалека с востока.

И мать с детьми могла тогда
Подчас поверить в чудо:
– Вот наш отец придет сюда
И нас возьмет отсюда.

Могло пригрезиться самой
В надежде и тревоге,
Как будто он спешит домой
Да припоздал в дороге.

А на недалежном рубеже,
У той границы где-то,
Война в четвертое уже
Свое вступала лето.

И по дорогам фронтовым
Мы на дощечках сами

Себе самим,
Кто был живым,
Как заповедь писали:

*Не пощади
Врага в бою,
Освободи
Семью
Свою.*

ГЛАВА 9

Я начал песню в трудный год,
Когда зимой студеной
Война стояла у ворот
Столицы осажденной.

И завершаю в год иной,
Когда от стен Берлина
Пришел солдат с войны домой
Своей дорогой длинной.

Чего, чего не повидал,
Казалось, все знакомо.
Но вот пришел, на взгорке стал
И ни двора, ни дома.

И там, где канули в огне
Венцы, столбы, стропила, –
Темна, жирна по целине,
Как конопля, крапива.

Да груда глины с кирпичом,
Золою перебитая,
Едва видна на месте том,
Уже травой прошита.

Глухой, нерадостный покой
Хозяина встречает.
Калеки-яблони с тоской
Гольем ветвей качают.

Глядит солдат: ну, ладно – дом,
А где жена, где дети?..

Да, много лучше о другом,
О добром петь на свете.

Но не минуешь горьких слез,

Которым срок не минул.
Не каждой матери пришлось
Обнять родного сына.

Не каждой женщине – жене,
Родной сестре, невесте –
О тех, что сгинули в войне,
В конце дожждаться вести.

Ответ не каждому письму, –
Иное без ответа.
Привет не каждому тому,
Чье сердце ждет привета.

Но если та горька печаль,
Чье место свято в доме,
То, может, легче, да едва ль,
Печаль особой доли.

Печаль подвижника-бойца,
Что год за годом кряду
Войну исполнил до конца,
И вот тебе награда!

Присел на камушке солдат
У бывшего порога,
Больную с палочкою в ряд
Свою устроил ногу.

Давай солдат курить табак,
Сходиться люди стали,
Не из чего-нибудь, а так –
В свидетели печали.

Стоят над нею, опершись
На грабли, на мотыги.
Вздыхнул один и молвил:
– Жизнь... –
Другой сказал:
– Как в книге...

А третьи только и могли
Добавить осторожно:
– Еще не все домой пришли
Из той дали осторожной.

И отвести старались взгляд
Соседи в разговоре,
Чтоб не видать, как он, солдат,
Давясь, глотает горе.

Не мог он душу освежить
Тем трудным, скрытым плачем...

Все так.
А надо было жить.
И жить хозяин начал.

Погостевал денек-другой.
— Ну что ж, на том спасибо. —
И потянул с больной ногой
На старую селибу.

Перекурил, шинель долой,
Разметил план лопатой.
Коль ждать жену с детьми домой,
Так надо строить хату.

А где боец за столько лет
Себе жилья не строил!
Не только там, где лесу нет,
А нет земли порою.

Где нет земли, один песок,
А то, как камень, грунт жесток,
А то — болото. Мука!
А на земле — не штука.

Так-сяк, колхоз
Леску подвез,
Помог до крыши сруба.
А дальше сам
Мостил, тесал, —
Займись — оно и любо.

И все спешил покончить в срок,
Как будто в хате новой
Скорей солдат увидеть мог
Семью живой-здоровой.

К покосу был окончен дом,
Как раз к поре горячей.
А сам солдат ютился в нем
Со дня, как строить начал.

На свежеструганом полу,
Что облекал прохладой,
Он отдыхал в своем углу
С великою отрадой.

Да что! У смерти на краю,
На каждом новоселье,
И то любитель был свою
Обжить, устроить келью.

Не знаешь, год иль день там быть,
А все же и в землянке

Охота гвоздь какой-то вбить,
Зажечь фитиль в жестянке.

Водой, дровами запастись,
Соломой побогаче.
А там – приказ. И в ночь снялись,
И с тем жильем навек простись! –
А жить нельзя иначе.

Соорудил хозяин стол,
Лежанку возле печи.
И все в порядок произвел
Желанной ради встречи.

Гадал, старался что к чему
Приладить, вспомнить кстати...

И так тоскливо самому
Вдруг стало в этой хате.
Такая горькая нашла
Душе его минута.

– Зачем не ты меня ждала,
А я тебя, Анюта?

И не мила, не дорога
Ему своя светлица...
Пошел солдат с людьми в луга.
Чтоб на людях забыться.

Чтоб горе делом занялось,
Солдат вставал с рассвета
И шире, шире гнал прокос –
За все четыре лета.

Вслед за косой качал солдат
Спиной, от пота серой.
И точно время на свой лад,
Своею мерял мерой.

И добрым ладом шли часы,
И грудь дышала жадно
Цветочным запахом росы,
Живой травы из-под косы –
Горькавой и прохладной.

И сладкий пек июльский зной,
Как в годы молодые,
Когда еще солдат с женой
Ходил в луга впервые.

В луга верст за пять от села.
И пот кипел на коже,

И точно сила, как была, –
Не та, не та, а все же!..

И косу вытерши травой
На остановке краткой,
Он точно голос слушал свой,
Когда звенел лопаткой.

И голос тот как будто вдаль
Взывал с тоской и страстью.
И нес с собой его печаль,
И боль, и веру в счастье.

Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой –
И мы домой.

1942–1946

